

Некрасов на "Повороте к правде"

(Лето 1845 года)

Классическая некрасовская лирика начинается стихотворением "В дороге" (1845), которым сам поэт неизменно открывал все издания своих стихотворений. До той поры В. Г. Белинский, который заметил и пестовал Некрасова с 1843 года высоко ценя его талант журналиста и поэта-сатирика, кажется, и не подозревал в нем задатки "поэта истинного".

"Литературная деятельность Некрасова, - вспоминает И. И. Панаев, - до того времени не представляла ничего особенного. Белинский полагал, что Некрасов навсегда останется не более как полезным журнальным сотрудником, но когда он прочел ему свое стихотворение "На дороге" (т. е. "В дороге". - Б. М.), у Белинского засверкали глаза, он бросился к Некрасову, обнял его и сказал чуть не со слезами на глазах: - Да знаете ли вы, что вы поэт - и поэт истинный?".¹

Сам Некрасов незадолго до кончины объяснял свое новое рождение - рождение народного поэта - как своеобразный переход журнального количества в поэтическое качество в условиях поощрительно-благожелательной поддержки Белинского и его петербургских литературных единомышленников: "Поворот к правде, явившийся отчасти от писания прозой, критических статей Белинского, Боткина, Анненкова и других. Тургенев, Краевский, Панаев, Панаева".²

Это указание поэта подтверждают авторитетные свидетельства других мемуаристов. Один из них рассказывает, как великий критик уже в 1843 году "лелеял и всюду рекомендовал и выводил в люди Некрасова",³ другой (П. В. Анненков) - "как принялся за него Белинский, раскрывая ему сущность его собственной натуры и ее силы, и как покорно слушал его поэт..."⁴

Впрочем, теоретические споры петербургских либералов уже в 1843--1844 годах не столько пленяли Некрасова, сколько раздражали своей отвлеченностью. Впоследствии, вспоминая об этих сходках, он говорил С. Н. Кривенко: "Тяжелое производили они на меня впечатление: преобладала часто фраза, диалектика, говорились общие места, говорили больше о Западной Европе, видно было незнание русской жизни и русского народа... Я сознавал, что все это было не то, что нам нужно, но в то же время спорить с ними не мог, потому что они знали гораздо больше меня, гораздо больше меня читали. Сознывая все больше и больше, что нам нужно нечто иное, я начал работать, учиться..."⁵

Свидетельница таких бесед с участием И. С. Тургенева в 1844 году у Белинского на даче А. В. Орлова подтверждает, что Некрасов там "говорил меньше других, мало спорил, иронически улыбался во время спора других".⁶

Страстный поклонник Гоголя и один из крупнейших его последователей, а к середине 1845 года лидер *натуральной школы*, Некрасов в это время написал несколько сатирических шедевров в стихах ("Чиновник", "Послание к другу. (Из-за границы)", "Современная ода"), но от иронии, насмешки еще не перешел к "поэзии мысли", отрицанию и радикализму. В прозе он уже создал свои знаменитые "Петербургские углы", в которых ясно обозначены основные темы его зрелого творчества - угнетенный народ, крестьянские биографии, жизнь столицы, - но автор этого *физиологического очерка* нигде не обнаруживает собственно писательского отношения к обитателям "углов". Он здесь преимущественно беспристрастный исследователь юмористически "чувствительным сердцем".

Это дало повод Л. В. Бранту в рецензии на "Физиологию Петербурга" выдвинуть автору "Петербургских углов" обвинение, которое трудно оспорить: "Писатель с дарованием, с умом и сердцем, сойдя воображением в это убогое жилище, сойдя в этот мрачный нищенский угол, мог бы нарисовать картину грустную, возбуждающую участие, сострадание. Г-н Некрасов питомец новейшей школы, образованной г. Гоголем, школы, которая стыдится чувствительного, патетического..."⁷

"Переломным оказался 1845 год", - пишет Н. Н. Скатов. В этом году, продолжает он чуть ниже, "совершалось действительно поэтическое открытие. Явился поэт. Не в ряду прочего писавший стихи литератор, а *поэт*, до того у нас не бывший и невиданный. Вот это-то Белинский с поразительным своим чутьем понял сразу и отреагировал с тем большей силой, чем большей неожиданностью для него самого это было".⁸

В стихах второй половины 1845 года впервые обозначились другие темы и мотивы позднейшей некрасовской лирики: страстное отрицание крепостнической системы, историческая вина дворянского сословия перед народом, преодоление разрыва между сословиями и гражданской апатии, личная ответственность интеллигентного человека за всех "униженных и оскорбленных" ("покаянные" и гражданские мотивы), тема русской женщины, матери.

Переход Некрасова к поэзии мысли и отрицания во второй половине 1845 года, когда в Петербурге уже действовал кружок М. В. Петрашевского, совпадает хронологически с рядом других событий и обстоятельств общественной, литературной жизни России и собственной биографии поэта, которые, как представляется, не только сопутствовали ему на "повороте к правде", но и решающим образом определяли новое направление некрасовского творчества. Здесь следует назвать по крайней мере три события лета 1845 года, которые захватили Некрасова и возбудили в нем "новые мысли". Это, во-первых, чтение в рукописи романа Ф. М. Достоевского "Бедные люди" и сближение с ним в конце мая--начале июня; во-вторых, "гощение у Герцена" в середине июня и знакомство с его ближайшим окружением; в-третьих, поездка на родину в грешневские "старые хоромы".

Мнение о решающем и едва ли не единственном творческом влиянии Н. В. Гоголя на Некрасова и, с другой стороны, решающем и едва ли не единственном идейном влиянии Белинского так канонизировано, а история "открытия" Некрасовым таланта автора "Бедных людей" рассматривается исследователями так односторонне, что даже в солидной монографии М. М. Гина "Достоевский и Некрасов" (Петрозаводск, 1985) о творческом, духовном влиянии молодого Достоевского на "великого первооткрывателя" (М. М. Гин) нет ни строчки. Привожу эпизод чтения рукописи романа в изложении Достоевского, который слышал его от Д. В. Григоровича: "Они (Некрасов и Григорович. - Б. М.) накануне вечером воротились рано домой, взяли мою рукопись и стали читать на пробу: "С десяти страниц видно будет". Но, прочтя десять страниц, решили прочесть еще десять, а затем, не отрываясь, просидели уже всю ночь до утра, читая вслух и чередуясь, когда один уставал. "Читает он про смерть студента, - передавал мне потом уже наедине Григорович, - и вдруг я вижу, в том месте, где отец за гробом бежит, у Некрасова голос прерывается, раз и другой, и вдруг не выдержал, стукнул ладонью по рукописи: "Ах, чтоб его!" Это про вас-то, и этак мы всю ночь". Когда они кончили (семь печатных листов!), то в один голос решили идти ко мне немедленно: "Что ж такое, что спит, мы разбудим его, *это* выше сна!" Потом, приглядевшись к характеру Некрасова, я часто удивлялся той минуте: характер его замкнутый, почти мнительный, осторожный, малосообщительный. Так, по крайней мере, он мне всегда казался, так что та минута нашей первой встречи была воистину проявлением самого глубокого чувства. Они пробыли у меня тогда с полчаса, в полчаса мы бог знает сколько переговорили, с полслова понимая друг друга, с восклицаниями, торопясь; говорили и о *поэзии*, и о *правде* (курсив мой. - Б. М.), и о "тогдашнем положении", разумеется..."⁹

До встречи с Достоевским Некрасов, озлобленный, замкнутый, но предприимчивый и деятельный, ни с кем не сходил так близко, как с автором "Бедных людей". В кружке Белинского, в доме Панаевых он либо угрюмо молчал и саркастически улыбался, либо внимал речам великого критика, но никому не открывал душу. Встреча с Достоевским и очень короткий период (не более одной недели!) дружеской близости с ним смягчили и растопили "резкий, охлажденный ум" поэта.

"Лично мы сходились мало и редко, - вспоминает Достоевский, - и лишь однажды вполне с беззаветным горячим чувством, именно в самом начале нашего знакомства, в сорок пятом году, в эпоху "Бедных людей". <...> Тогда было между нами несколько мгновений, в которые, раз навсегда, обрисовался передо мною этот загадочный человек самой существенной и самой затаенной стороной своего духа. Это именно, как мне разом почувствовалось тогда, было

раненное в самом начале жизни сердце, и эта-то *никогда не заживавшая* рана его и была началом и источником всей страстной, страдальческой поэзии его на всю потом жизнь. Он говорил мне тогда со слезами о своем детстве, о безобразной жизни, которая измучила его в родительском доме, о своей матери - и то, как говорил он о своей матери, та сила умиления, с которою он вспоминал о ней, рождали уже и тогда предчувствие, что если будет что-нибудь святое в его жизни, но такое, что могло бы спасти его и послужить ему маяком, путевой звездой даже в самые темные и роковые мгновения судьбы его, то, уж конечно, лишь одно это первоначальное детское впечатление детских слез, детских рыданий вместе, обнявшись, где-нибудь украдкой, чтоб не видели (как рассказывал он мне), с мученицей матерью, с существом, столь любившим его. Я думаю, что ни одна потом привязанность в жизни его не могла бы так же, как эта, повлиять и властительно подействовать на его волю и на иные темные неудержимые влечения его духа, преследовавшие его всю жизнь".¹⁰

Спустя несколько месяцев после этих встреч, в первых же новых стихах Некрасова "Родина" и "Когда из мрака заблужденья..." впервые в русской поэзии тема матери зазвучит с такой трагической силой и проникновенностью. Вторым из названных стихотворений поэт открывал и другой ряд произведений, которые принято называть "покаянной лирикой".

"Властительно подействовали" на творчество Некрасова, можно утверждать, не только отмеченные Достоевским обстоятельства детства поэта, но и сама встреча его с автором романа "Бедные люди".

* * *

Седьмого или восьмого июня 1845 года Некрасов выехал в Ярославль с остановкой в Москве для встречи с А. И. Герценом и его друзьями - желанными участниками готовившегося "Петербургского сборника". Знаменитые герценовские "Письма об изучении природы", печатавшиеся в "Отечественных записках", произвели в Петербурге сильное впечатление. "В то время, - вспоминал потом Некрасов, - в московском кружке был дух иной, чем в петербургском, т. е. Москва шла более реально, нежели Петербург..."¹¹

Герцен стремительно преодолевал идеалистические верования, а его ближайший друг Н. П. Огарев, живший в это время за границей, преодолевал рефлексии и хандру в новом стихотворном цикле "Монологи", предвосхищая гражданскую лирику Некрасова. В феврале 1845 года он писал Герцену: "Чувствовал ли ты когда-нибудь всю тяжесть наследного достояния? <...> Друг! Уйдем в пролетарии. Иначе задохнемся".¹²

Сам Герцен размышляет в эту пору об оскорбительной для русского крестьянина крепостной зависимости и его способности к протесту. 7 января 1845 года он записал в дневнике рассказ, слышанный от А. А. Тучкова: "В Пензенской губернии какой-то помещик, великий злодей, страшно тяжел пришелся крестьянам; молодой крестьянин сказал односельцам, что он намерен избавить их от "отца общины", - те перепугались суда, последствий и пр. Молодой человек сказал, что все возьмет на себя, что лишь бы они о нем молились богу, что никому не достанется. Таким образом, он отправился на плотину, через которую помещик должен был идти, и а la G. Tell стал его ждать; когда тот пошел, он побежал ему навстречу, схватил его вперехват - и вместе в омут. Оба утонули. Это античный героизм. Полагаю, что такого человека смертная казнь *in spe*¹³ не очень остановила бы. При всей неразвитости русского, его останавливает "на миру будет стыдно"; он уважает мнение своей общины; боится он помещика - это другое, это рабство, он ему повинуется, оскорбляясь, а там оц признает".¹⁴

Осенью 1844 года и в первой половине 1845 года Герцен слушает лекции на медицинском факультете Московского университета и знакомится со многими студентами, жадно читающими его "Письма об изучении природы". "Направление занимавшихся, - вспоминал он в "Былом и думах", - было совершенно реалистическое, т. е. положительно научное. Замечательно, что таково было направление почти всех царскосельских лицеистов <...> С радостью приветствовал я в лицеистах, бывших в Московском университете, новое, сильное поколение".¹⁶

Одним из выпускников лицея, учившимся там вместе с М. Е. Салтыковым, был студент-медик Иван Васильевич Павлов (1823--1904), впоследствии публицист (псевдоним Л. Оптухин), основавший в 1860 году еженедельник "Московский вестник" и сотрудничавший позднее в "Дне", "Беседе" и "Русской мысли". Герцен сблизился с Павловым, имя которого часто упоминается в дневнике и письмах Герцена 1844--1845 годов.

Лето 1845 года семья Герцена жила на даче в подмосковном селе Соколове "Прекрасно провели мы там время, - вспоминал он об этом лете в "Былом и думах". - Никакое серьезное облако не застилало летнего неба; много работая и много гуляя, жили мы в нашем парке. К<етчер> меньше ворчал, хотя иной раз и случалось ему забирать брови очень высоко и говорить крупные речи с сильной мимикой. Грановский и Е<лизавета Борисовна Грановская> приезжали почти всякую неделю в субботу и оставались ночевать, а иногда уезжали уж в понедельник. М. С. <Щепкин> нанимал неподалеку другую дачу. Часто приходил и он пешком, в шляпе с широкими полями и в белом сюртуке, как Наполеон в Лонгвуде, с кузовком набранных грибов, шутил, пел малороссийские песни и морил со смеху своими Рассказами, от которых, я думаю, сам Иоанн Кручинник, точивший всю жизнь слезы о грехах мира сего, стал бы их точить от хохота..."¹⁶

"В середине лета, - вспоминал П. В. Анненков, - подмосковное село это образовало нечто вроде подвижного конгресса из беспрестанно наезжавших и пропадавших литераторов, профессоров, артистов, знакомых, которые, видимо, все имели целью перекинуться идеями и известиями друг с другом. <...> Гости калейдоскопически сменялись гостями; тут кроме Панаева, оставившего и описание соколовской жизни,¹⁷ промелькнули в моих глазах Н. А. Некрасов, давно уже мне знакомый и возбуждавший тогда общий симпатический интерес своей судьбою и своей поэзией. Затем Ив. Вас. Павлов, здесь впервые мною и встреченный и поражавший оригинальной грубостью своих приемов, под которыми таилось у него много мысли, наблюдения, юмора и т. д. Евг. Фед. Корш, старый Щепкин, молодой рано умерший Засядко, начинающий живописец Горбунов <...> были постоянными посетителями Соколова".¹⁸

Сохранилось недатированное письмо И. В. Павлова А. И. Малышеву, относящееся к концу июня 1845 года и опубликованное только небольшим фрагментом, в котором находим более подробные сведения о пребывании Некрасова в Соколове и Москве. Павлов рассказывает в начале письма об одном из своих приездов в Соколове вместе с Д. А. Засядко: "У Герцена мы нашли Некрасова и попойку. Мы с Некрасовым забавляли честную компанию похабными анекдотами и песнями. Мои глубокие познания по этой части поразили всех! В особенности Некрасов был восхищен и беспрестанно приговаривал: "Нет, этого-то я уж не знаю"".²⁰

Далее в письме Павлов живописует холостяцкие похождения Некрасова, поселившегося на несколько дней у него в Москве. Напечатать эту часть письма невозможно (в силу ее специфической лексики), да и пересказывать в настоящей статье неуместно. Важнее другое: кроме Соколовских попок и хмельных разговоров, в которых Некрасов принимал участие, ему посчастливилось слышать серьезные споры, в которых участвовали Герцен, Т. Н. Грановский, Н. Х. Кетчер, Е. Ф. Корш и др. "Политических разговоров в прямом смысле слова на этих импровизированных академиях почти никогда не происходило, - пишет Анненков. - Тогдашняя публичная жизнь снабжала людей только юмористическими анекдотами и покамест ничего более не давала. Собственно же основные принципы, управлявшие обществом, вовсе и не затрагивались".²¹ Порою, однако, вспыхивали споры по коренным вопросам российской действительности. Свидетелем одного из них Анненков был во время общей прогулки в окрестностях Соколова.

"Крестьяне и крестьянки, - рассказывает мемуарист, - убирали поля в костюмах почти примитивных, что и дало повод кому-то сделать замечание, что изо всех женщин одна русская ни перед кем не стыдится и одна, перед которой также никто и ни за что не стыдится. Этого замечания достаточно было для того, чтобы вызвать ту освежающую бурю, которой все ожидали. Грановский остановился и необычайно серьезно возразил на шутку. "Надо прибавить, - сказал он, - что факт этот составляет позор не для русской женщины из народа, а для всех тех, кто довел ее до того, и для тех, кто привык относиться к ней цинически. Большой грех за последнее лежит на нашей русской литературе. Я никак не могу согласиться, чтобы она хорошо

делала, потворствуя косвенно этого рода цинизму распространением презрительного взгляда на народность".²² "Во взгляде на русскую национальность, - говорил далее Грановский, - и по многим другим литературным и нравственным вопросам я сочувствую гораздо более славянофилам, чем Белинскому, "Отечественным запискам" и западникам".²³

Герцен в этом споре фактически солидаризировался с Грановским: "Мы должны вести себя прилично по отношению к низшим сословиям, которые работают, но не отвечают нам. Всякая выходка против них, вольная и невольная, похожа на оскорбление ребенка. Кто же будет за них говорить, если не мы же сами? Официальных адвокатов у них нет..."²⁴

Упрек Грановского в адрес "русской литературы" и ее "цинизма" по отношению к женщине из народа и мысль Герцена об адвокатской миссии русского писателя в пользу бесправного крестьянина (а эти темы возникали в Соколовской "академии", очевидно, не однажды) не могли оставить Некрасова равнодушным. Грановский бросал камешек несомненно и в его огород. Недавно вышедшая и уже известная московским читателям первая часть альманаха "Физиология Петербурга" и особенно "Петербургские углы" самого редактора давали повод для упреков такого рода. Чуть позже и в гораздо более резкой форме подобный упрек прозвучит из противоположного литературного лагеря. Рецензент болгаринской газеты Л. В. Брант утверждал в статье о двух выпусках "Физиологии Петербурга", что в "Петербургских углах" нет авторского сострадания и его герои не вызывают сочувствия читателя: "Г-н Некрасов, <...> предпочитая сцены грязные, черные, изображает нам другого рода обитателей "углов", хозяйку, какую-то отвратительную старуху; забулдыгу - дворового человека, отпущенного по оброку, который беспрестанно давит жуков; хмельную бабу, одержимую бесом..."²⁵

"Всю тяжесть наследного достояния", упоминаемую в процитированном выше письме Н. П. Огарева, и отказ от него, уход в "пролетарии" Некрасов выразил вскоре в стихотворении "Родина". А слышанные поэтом, еще не вышедшим из-под обаяния бесед с Достоевским, в Соколове споры о положении русской женщины-крестьянки, о народе, нуждающемся в "адвокатской" помощи русского писателя, несомненно нашли отражение и в других стихотворениях второй половины 1845 года: "В дороге", "Когда из мрака заблужденья...", "Тройка". Незадолго до кончины Некрасов сделал помету под стихотворением "Я за то глубоко презираю себя...": "Написано во время гощения у Г<ерцена>. Может быть, навеяно тогдашними разговорами".²⁶

На вопросе о времени создания этого стихотворения следует остановиться специально. До выхода в свет академического издания сочинений Некрасова оно датировалось - в соответствии с автокомментарием - 1845 годом.²⁷ В 1971 году М. Я. Блинчевская обнаружила в Государственном Историческом музее неизвестное, ранее не датированное письмо П. М. Щепкина - сына великого актера к брату Н. М. Щепкину от июля или августа 1846 года, свидетельствующее о другом "гощении" Некрасова в Соколове по пути из Казани в Петербург. Опираясь на оговорку П. В. Анненкова о том, что в июне 1845 года в Соколовской "академии" политические темы не обсуждались (см. выше), и на свидетельство - мемуары самого А. И. Герцена о резко обозначившемся летом 1846 года в одном из споров с Т. Н. Грановским-идеалистом расколе по важному для обоих вопросу о "единстве духа и тела",²⁸ исследовательница пишет: "Вспоминая в последние месяцы жизни через тридцать с лишним лет о "тогдашних разговорах", поэт также, как нам казалось, имел в виду не беседы в Соколове летом 1845 года. <...> свидетельство П. Щепкина в письме к брату помогает установить, что стихотворение Некрасова "Я за то глубоко презираю себя..." написано было, как свидетельствовал об этом и сам поэт, не в 1845 году, а в 1846".²⁹

В академическом издании сочинений Некрасова было принято предложение М. Я. Блинчевской, и стихотворение "Я за то глубоко презираю себя..." здесь датируется 1846 годом (I, 42, 583). Думаю, что это все же ошибочное решение. И спор "о единстве духа и тела" трудно назвать политическим, да и стихотворение Некрасова не является политической декларацией, тогда как споры о гражданском долге интеллигенции перед народом, слышанные поэтом летом 1845 года, несомненно отражены и в этом стихотворении. К этому можно прибавить, что посещение Некрасовым Герцена летом 1846 года, в отличие от предыдущего, трудно назвать "гощением". Это был, скорее, деловой визит: Некрасов, прервавший летнее "гощение" в казанском имении Г. М. Толстого, торопился в Петербург для организации своего журнала.

Нужно было заручиться поддержкой и авторским участием Герцена и других московских литераторов в будущем "Современнике".

Впрочем, летом 1845 года Некрасов вывез из Москвы и некоторые политические впечатления. Привожу еще один фрагмент из письма И. В. Павлова А. И. Малышеву, цитированного мною выше. Павлов рассказывает о визите к нему юного А. М. Унковского (1828-1893), будущего правоведа, общественного деятеля, сотрудника "Современника": "Вечеру ко мне является уродливое существо, с длинной-предлинной головой, с срезанным лбом и такими же шишками на висках, как у тебя. Ну, думаю, вот нелепец-то!

Я. Что вам угодно?

Оно. Иван Васильевич! Я - Унковский (трагическое молчание).³⁰

Я. Но что вам угодно?

Оно. Я пришел из любопытства. Мне хотелось с вами познакомиться. Я столько об вас наслышался.

Я. Очень рад. (Человек подает трубку. Молчание. Длинноволосое существо переминается и что-то хочет сказать).

Я. Какая странная погода! То было сиверко, а теперь жарко.

Оно. Хм! (переминается).

Я. А меня так - представьте! Все лихорадка бьет.

Оно (патетическим тоном). Иван Васильевич!

Я. Что?

Оно (еще патетичнее). Примите меня в ваше братство!!!

Я (выпуча глаза). Какое братство?

Оно. Не скрывайтесь, я все знаю! Ваша деятельность, ваше внимание, ваш образ мыслей... Я в Петерб^{ург}е про вас слышал от Петраш^{евского}.

Я (перебивая). Если вы обо мне судите по словам Петраш^{евского}, то вы жестоко ошибаетесь! Петраш^{евский} нелепое существо, к^{оторое} вечно делает глупости и рано или поздно попадается.

Оно (с укоризной). А он об вас не то говорит!

Я. Что мне за дело до его слов. Я хочу только вам сказать, что вы жестоко ошибаетесь. Я не Верино, не Фиеско, а просто смиренный студент медицины. Ежели я имею образ мыслей, не совсем согласный с настоящим порядком вещей, то, по крайней мере, не в моем образе мыслей жестокие меры, против чего они ни были <бы> направлены. И потому я не стану своих идей и убеждений тыкать встречному и поперечному...

В таком плане я продолжал долго. Доказывал, что в наше время глупо мечтать и об революции и о Республике, да что, сверх того, в России и революции быть не может: вместо ее была бы бессмысленная резня, вроде пугачевщины, и проч., и проч.

Ты видишь, что я с этим мальчишкой поступил мягко, очень мягко... Его бы можно было просто разругать и выгнать взащей. Мне это твердят Засядко и Некрасов, к^{оторы}м я

рассказал о полученном мной странном визите. - Но видишь ли что: во-первых, во мне пробудились патриотические чувства старого лицеиста; мне стало жаль безумного мальчишка, на которого я смотрел как на своего меньшего брата".³¹

Письмо Павлова завершается еще одним рассказом о Некрасове: "Некрасов обронил на Тверской свой бумажник и, не замечая того, проехал до самой Иверской. Мастеровой, синемафтанник, который поднял бумажник, бежал с полверсты, чтобы нагнать обронившего. Некрасов дал ему за это 35 руб., а в бумажнике было всего 150 рублей. Щедро, Некрасов вообще славный человек. Я его сейчас проводил. Обещался непременно остановиться у меня, когда поедет назад".³²

* * *

Некрасов приехал в Грешнево в конце июня или начале июля 1845 года. Это была вторая его поездка на родину после 1838 года, когда он покинул родительский дом. Известно, что большая часть поэтических произведений Некрасова создана в Ярославском крае именно во время таких приездов. Журнально-издательская работа в Петербурге практически не оставляла времени для стихов, особенно лирических.

Поэт выпадал из кипучей столичной жизни, резко сокращался объем переписки и профессионального общения, и потому для биографов Некрасова эти периоды его жизни - самые трудные и непроясненные. Сам факт поездки в Ярославль летом 1845 года установлен относительно недавно Б. Л. Бессоновым и указан им в комментарии к автобиографическим материалам поэта, опубликованным в 1997 году.³³ До того высказывалась лишь одним исследователем - К. Черновой - догадка об этой поездке.³⁴

Именно в этот приезд, очевидно, произошло столкновение либерального поэта и журналиста, только что прослушавшего краткий курс соколовской "академии", с отцом - далеким от либеральных идей ярославским помещиком средней руки. Свидетельствует об этом столкновении сестра поэта Анна Алексеевна Буткевич: "В первые годы, проводя лето у отца в деревне, брат иногда ездил с ним на охоту с борзыми и гончими собаками. Брат не любил этой охоты, а отец очень любил и всегда радовался, когда ему удавалось увлечь с собой брата. В одной из таких поездок кто-то из охотников - подъезжий или доезжачий, - сделал большую ошибку, вследствие которой собаки упустили зверя. Отец вышел из себя и в порыве гнева наскочил на виновного и отдул его арапником. Брат, не говоря ни слова, поворотил лошадь и ускакал домой; вскоре воротился и отец, не в духе и сердитый. Объяснений никаких не последовало, но брат стал избегать отца - уходил с ружьем и собакой и пропадал на несколько дней, охотясь за дичью с своим сверстником Кузьмою Орловским и его отцом, отлично знавшим все места и какую птицу где нужно искать. Отец, видимо, скучал - на охоту не ездил. Однажды, когда брат вернулся, отец послал меня непременно уговорить его, чтобы пришел обедать. Обед прошел довольно натянуто, но затем подано было шампанское, за которым и последовало объяснение. Отец горячился, оправдывался, что без драки с этими "скотами" совсем нельзя, что тогда хоть всю охоту распускай, но тем не менее дал слово, что при брате никогда драться не будет, и сдержал его".³⁵

Этот факт подтверждается и дополняется новыми подробностями в воспоминаниях старого слуги Некрасовых П. А. Прибылова, записанными в 1902 году В. Михеевым: "А. С. Некрасов был в ссоре и в разрыве с поэтом, которые прекратились благодаря наезду каких-то петербургских господ, помиривших отца и сына. Среди них играл важную роль какой-то высокий, которого фамилии Прибылов не помнил. Когда поэт стал наезжать в Грешнево при отце - они очень расходились в охотничьих вкусах. А. С. любил охоту с борзыми, верхом; а П. А. - пешую, с легавой, с ружьем..."³⁶

Нет сомнения, что в стихотворении "Родина" отразились и грешневские впечатления лета 1845 года. Исследователи давно уже указали на прототип Груши из стихотворения "В дороге" - крепостную Некрасовых Наталью Андрееву.³⁷

Осмелюсь высказать предположение, что упомянутая выше ссора с отцом отразилась и в стихотворении "Отрадно видеть, что находит...":

Отраднo видеть, что находит
Порой хандра и на глупца,
Что иногда в морщины сводит
Черты и пошлого лица
Бес благородный скуки тайной,
И на искривленных губах
Какой-то думы чрезвычайной
Печать ложится... и т. д.³⁸

Ярким фактом демонстративного "сближения с народом", рекомендованного Т. Н. Грановским и Герценом, является указанное Б. Л. Бессоновым участие поэта в качестве восприемника в крестинах в Абакумцевской церкви 5 августа 1845 года крестьянского мальчика.³⁹ Г. В. Красильников дополнил эти сведения: мальчик был сыном дворового человека Некрасовых и наречен Лаврентием. Это, очевидно, не единственный крестник поэта. В "Деревенских новостях" (1860) Некрасов упоминает еще об одном:

"Здравствуйте, братцы!" - Гляди,
Крестничек твой-то, Ванюшка! -
"Вижу, кума! погоди,
Есть мальчугану игрушка".⁴⁰

Некрасов вернулся в Петербург около третьего октября, и в этом же месяце, очевидно, была написана первая часть стихотворения "Родина". В 1872 году он вспоминал о впечатлении, которое произвело это стихотворение в кружке Белинского, неточно датируя его: "Приношу к нему (Белинскому. - Б. М.) около 44 года стихотворение "Родина", написано было только начало. Белинский пришел в восторг, ему понравились задатки отрицания и вообще зарождение тех мыслей, которые получили свое развитие в дальнейших моих стихах. Он убеждал продолжать. Сажу дома, работаю. Прибегают от Белинского. Иду туда, впервые встречаю Тургенева, читаю ему "Родину". Он в восторге: "Я много писал стихов, но так написать не могу, - сказал Тургенев, - мне нравятся и мысли, и стих". В собрании моих стихотворений печатается "Родина" в начале издания".⁴¹

На Герцена особенно сильное впечатление произвело другое новое стихотворение Некрасова - "В дороге", опубликованное в "Петербургском сборнике", который вышел в свет в начале 1846 года. В не дошедшем до нас письме Белинскому (около 15 февраля 1846 года) он высоко оценивал "В дороге" и связывал с ним успех альманаха. Отвечая ему, критик соглашался только с первой частью этого мнения: "Ты прав, что пьеса Некрасова "В дороге" превосходна; он написал и еще несколько таких же и напишет их еще больше <...> Пьеса Некрасова "В дороге" несколько не виновата в успехе альманаха. "Бедные люди" - другое дело, и то потому, что о них заранее прошли слухи".⁴²

Самая высокая оценка стихотворению "В дороге" в печатных отзывах о "Петербургском сборнике" была дана талантливейшим Ап. Григорьевым: "Из стихотворений сборника более прочих замечательно стихотворение самого издателя г. Некрасова. Одно из них, в особенности "В дороге" - chef-d'oeuvre простоты, горького юмора и злой грусти. Питая полное уважение к таланту г. Некрасова, мы при первом удобном случае выскажем о нем наше мнение как о таланте замечательном и обнаружившемся не раз по различным родам изящной словесности".⁴³

Три потрясения испытал Некрасов летом 1845 года: эстетическое (чтение романа Достоевского "Бедные люди"), идейное (беседы и споры в кружке Герцена) и социально-нравственное (в грешневских "старых хорах"). "Поворот к правде", произошедший под их влиянием, вывел Некрасова на столбовую дорогу русской литературы и уже в начале 1846 года принес ему славу крупнейшего русского поэта.

Примечания

¹ Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., 1950. С. 249.

- ² Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. СПб., 1997. Т. 13. Кн. 2. С. 56.
- ³ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1983. Т. 11. С. 47.
- ⁴ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. III. С. 552.
- ⁵ Лит. наследство. 1946. Т. 49--50. С. 209. Ср. сходный рассказ в передаче А. С. Суворина: Там же. С. 203.
- ⁶ В пользу голодающих. "Лепта Белинского". М., 1892. С. 17.
- ⁷ Северная пчела. 1845. 19 окт. No 236.
- ⁸ Скатов Николай. Некрасов. М., 1994. С. 69, 70.
- ⁹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1983. Т. XXV. С. 29. Ср.: Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1987. С. 82--83.
- ¹⁰ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. XXIV. С. 111--112.
- ¹¹ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 13. Кн. 2. С. 41.
- ¹² Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения. М., 1952. С. 370.
- ¹³ в будущем (лат.).
- ¹⁴ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. II. С. 403.
- ¹⁵ Там же. Т. IX. С. 205--206.
- ¹⁶ Там же. С. 208.
- ¹⁷ См.: Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., 1988. С. 243--246. Супруги Панаевы были в Соколове в конце июля--начале августа 1845 года.
- ¹⁸ Анненков Я. В. Литературные воспоминания. М., 1983. С. 257--258.
- ¹⁹ Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1812--1850. М., 1974. С. 340.
- ²⁰ РГБ. Ф. 135. Р. III. К. 60. No 66. Л. 1.
- ²¹ Анненков П. В. Указ. соч. С. 259.
- ²² Там же. С. 252.
- ²³ Там же. С. 253--254.
- ²⁴ Там же. С. 254:
- ²⁵ Северная пчела. 1845. 19 окт. No 236.
- ²⁶ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 13. Кн. 2. С. 41.
- ²⁷ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 1948. Т. 1. С. 22, 519.

²⁸ Спор закончился, как вспоминает Герцен в "Былом и думах", резким заявлением Грановского: "Я никогда не приму вашей сухой, холодной мысли единства тела и духа; с ней исчезает бессмертие души. Может, вам его не надобно, но я слишком много схоронил, чтоб поступиться этой верой. Личное бессмертие мне необходимо" (*Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. IX. С 209*).

²⁹ *Блинчевская М.* "Написано во время гощения у Герцена". (О стихотворении Некрасова "Я за то глубоко презираю себя...") // Вопросы литературы. 1971. No 8. С. 255.

³⁰ "Ты, конечно, слышал от меня об его истории: он был выключен из лица за разные проделки и сидел в сумасшедшем доме по высочайш<ему> повелен<ию>" (примеч. И. В. Павлова).

³¹ РГБ. Ф. 135. Р. III. К. 60. No 66. Л. 2--3.

³² Там же. Л. 3.

³³ *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 13. Кн. 2. С. 440.

³⁴ Н. А. Некрасов и Ярославский край. Ярославль, 1953. С. 113--114.

³⁵ Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971. С. 386.

³⁶ Северный край. 1902. 29 ноября. No 314.

³⁷ *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 1. С. 571.

³⁸ Там же. С. 16.

³⁹ Там же. Т. 13. Кн. 2. С. 440.

⁴⁰ Там же. Т. 2. С. 95.

⁴¹ Там же. Т. 13. Кн. 2. С. 48. В 1845 году И. С. Тургенев, с которым Некрасов познакомился не позднее 1843 года, приехал в Петербург в начале ноября. См.: *Никитина Н. С.* Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818--1858). СПб., 1995. С. 106.

⁴² *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1956. Т. XII. С. 264, 265.

⁴³ Финский вестник. 1846. Т. IX. Отд. V. С. 34.